

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

XVI конференция по балканистике и югославистике*

С 1 по 4 мая в канадском городе Банфф, под Калгари, проходила XVI конференция по балканистике и югославистике (16th Balkan and South Slavic Conference). Эта конференция проводится с 1978 г. каждые два года в одном из научных центров Северной Америки. Принимающей стороной в этот раз стал Университет Калгари, при участии Университета Альберты, Университета Торонто, Университета Реджайны и при поддержке Канадского совета по социальным и гуманитарным наукам. Конференция собрала более сорока ученых из 9 стран мира (Австрия, Болгария, Германия, Канада, Македония, Россия, Сербия, Словения, США), став площадкой для общения между представителями ведущих научных школ Европы и Северной Америки. Здесь я хотел бы остановиться на нескольких основных и наиболее актуальных для современной лингвистики и лингвистической балканистики темах.

Это, прежде всего, тема, касающаяся тех «маленьких/коротких слов» (частиц разного рода, артиклей, местоименных и глагольных клитик, союзов, междометий и под.), за которыми Т.М.Николаева предложила закрепить название «партикулы» [Николаева 2008]. Партикулы, среди прочего, помогают устранить разнобой в терминах (проявившийся и в докладах на конференции: «auxiliary», «clitic», «particle» и др. часто используются как синонимы). Другой способ избежать этого – составление полного списка рассматриваемой категории на уровне лексем (как это сделано для древнерусских клитик в новой книге А. А. Зализняка [Зализняк 2008]). В кругу балканистических проблем партикулы

входят в сферу дейксиса (в определенном смысле они его формируют), что определяет их отмеченное место в процессе коммуникации в широком смысле. Коммуникация, в свою очередь, напрямую связана с языковыми контактами, взаимовлияниями, в случае балканского языкового союза (БЯС) – с возникновением и формированием балканизмов.

В итоге мы неизбежно приходим к грамматической типологии БЯС и к «классическому» вопросу определения предмета и задач балканистики в настоящем и будущем. В этом смысле показателен доклад Г. Шаллера (Германия) «Болгарский как европейский язык с лингвистической точки зрения», где болгарский язык рассмотрен с точки зрения евролингвистики (направление, связанное с именем и идеями Н. Рейтера): учитывая, что некоторые балканизмы объединяют болгарский с языками Западной Европы, он предлагает говорить о болгарском прежде всего как о европейском языке, который имеет общее наследие и общие тенденции развития с разными (небалканскими) языками Европы. Это, как считает Шаллер, выводит нас из анализа собственно языка к анализу современных политических реалий – хотим мы этого или нет.

В ракурсе общих проблем БЯС весьма важным представляется доклад В. Фридмана (США), который рассмотрел балканские взаимовлияния и их прогнозируемые результаты в глобальном аспекте. В его докладе «Турецкая грамматика в балканском цыганском: иерархии маркированности в балканистике» был представлен опыт описания цыганского языка на Балканах; в основу описания была положена степень грамматической интеграции в цыганском турецких элементов (турецкое влияние на цыганские диалекты варьирует от многочисленных лексических калек и заимствования отдельных грамматических элементов до полного перехода на турецкий язык).

Такое взаимопроникновение языков/диалектов приводит к сложным, в определенном

* Автор хроники участвовал в конференции при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 08-06-08015).

смысле неразрешимым проблемам, вроде этноязыкового статуса каракачан – кто они, грецизованные арумыны или романизированные греки. Эта тема была поднята Т. Калем (Австрия) в докладе «Арумынские элементы в каракачанском греческом»: он утверждает (полемизируя с Т. Папахаджи и Т. Капиданом), что большинство лексем арумынского происхождения в каракачанском, являющихся аргументом в пользу его романской основы, были заимствованы недавно и доказательством служить не могут, а поэтому следует признать греческое происхождение каракачан.

Выявление таких лексических «путешествий» важно для установления направлений дистрибуции лексем «балканского словаря», см. доклад Д. Младеновой (Болгария) «Болгарские лексические изоглоссы: географическая дистрибуция и хронология», где на примере восточно-балканославянских названий помидора (*домат*, *патлиджан* и под.), показана взаимосвязанность внутри- и внеязыковых фактов (в частности, миграций садовников) в контексте макроделения восточно-балканославянской территории.

Здесь уместно упомянуть доклад Д. Томаса (Канада) «Сербохорватский как мост между балканским и карпатским языковыми союзами», в котором анализируется близость разных диалектов сербохорватского соответственно к двум разным (но ареально и типологически примыкающим друг к другу) языковым союзам: балканскому и карпатскому, что определяется грамматическим типом этих диалектов.

Возможное «просачивание» балканизмов за пределы Балкан было рассмотрено Т. Пристли (Канада) на материале румынского влияния на украинские говоры восточнославяно-балканороманского пограничья. Показательно, что один из самых явных следов этого влияния приводит нас к теме клитик. Речь идет о некоторых инновациях в употреблении посессивных клитик в украинских диалектах: *v'in uz'ev imu grosh'i* при стандартном украинском *vin uzav u n'ogo groshi* и под. Т. Пристли считает, что, хотя пока еще трудно говорить о балканизмах, следы румынского влияния здесь несомненно усматриваются.

Г. Филдер (США) в докладе «“Заимствуемость” балканских дискурсивных маркеров» рассмотрела такие общепалканские партикулы как *(a)ma* и *(a)mi* ‘но’, в традиционной грамматике имеющие значение союза и междометия. Исходя из оппозиции *центр/периферия*, Г. Филдер представила диаграмму, в центре которой находятся языки и диалекты, в которых *(a)ma* и *(a)mi* используются и как

дискурсивные маркеры, и как союзы: это болгарский и македонский, румынский и греческий; в переходной зоне находятся албанский, боснийский, ладинский, турецкий и цыганский (как дискурсивный маркер и как союз используется только *(a)ma*); на периферии – румынский, сербский и хорватский, где используется только *(a)ma* и только как дискурсивный маркер. Распределение функций этих элементов Филдер объясняет «иерархией заимствованности»: дискурсивные маркеры заимствуются с большей вероятностью, чем союзы, поскольку, в отличие от последних, они принципиально коммуникативны и в большей мере связаны с ситуацией сменяющихся говорящих (*turn-related*) чем с содержанием высказывания (*content-related*). Большая частота заимствования *(a)ma* по сравнению с *(a)mi* объясняется, как она считает, социолингвистическими факторами, в частности, степенью престижа языков-источников.

Ситуация контактов, постоянной «готовности к изменениям» проявляется и во внутриязыковых процессах. Упомяну в связи с этим доклад Дж. Шаллерта (Канада) «Наблюдения над несогласованностью по роду славянского перфекта», который проанализировал такие хорошо известные случаи в болгарских, македонских и торлакских сербских диалектах, когда субъект выражен существительным муж. рода или жен. рода, а в предикате, выраженном перфектом, причастная -л-форма стоит в средн. роде: *Страх* (муж. род) *те било* (средн. род) (сербск.), *Нарот* (муж. род) *се збрало* (средн. род) *като на панаире* (Ихтиман – болг.) и др. Дж. Шаллерт ставит эти употребления в зависимость от семантики субъекта (время, погода, растительность, болезнь, вред, эмоции), что позволяет подойти к правилам, которые позволили бы предсказывать случаи несогласования по роду (ср. также типологически сходные конструкции в русском языке *жаль было на него смотреть*).

Дейксис необходимо рассматривать прежде всего в дискурсе/тексте – как это сделала О. Младенова (Канада) в докладе «Современное болгарское *та*». *Та* в современном болгарском языке употребляется как определенный артикль (жен. род, ед. числа и средн. род множ. числа) и как союз ‘и, да’. В среднеболгарском языке дамаскинов XVII века О. Младенова нашла ряд употреблений *та*, нехарактерных для современного языка (ср. *това що дръжишь та е червей смраденъ от моята вонещъ плътъ*, «то, что ты держишь – это смрадный червь из моей смердящей плоти», Тихонравов дамаскин, упрощенная транскрипция). Она усматривает в этом употреблении *та* функцию «упаковывания информа-

ции»: това що дръжишь = *та*. Анализируя современное состояние союза *та* (на общеполбанском фоне), О. Младенова предложила детальную классификацию употреблений *та* в зоне паратаксиса и гипотаксиса – известная, но имеющая много «неизвестных» и соответственно весьма перспективная тема в аспекте БЯС.

М. Макарец (Россия) в докладе «Ускользящая эвиденциальность в переводе: анализ одного фольклорного текста» обратился к другому компоненту балканского дейксиса: категории эвиденциальности, рассмотрев использование пересказывательных форм в болгарском переводе албанской сказки «Kostadin të vdekur» («Мертвый Костадин») (классический балканский сюжет «Возвращение мертвого брата»), сделанном К. Шапкаревым. В результате небольшого лингвистического эксперимента (текст Шапкарева был переведен на русский и носителям языка было предложено перевести его на болгарский) было получено восемь вариантов текста с несовпадающими употреблениями пересказывательных форм. Сопоставление этих вариантов позволило говорить о нескольких стратегиях использования пересказывательных форм и сделать предварительные выводы об их функции в тексте. Так, оказалось, что эвиденциальность маркирует текст в целом, а не отдельные предложения; переход между пересказывательными/непересказывательными формами привязан к сюжетным стыкам и обозначает своего рода code switching; позицию говорящего и слушающего по отношению к пространству текста (включенность/невключенность) определяет не столько выбор формы как таковой, сколько сам факт перехода от пересказа к не-пересказу и обратно. То есть, парадоксальным образом, носителем дейктической информации оказываются не только (и не столько) глагольные формы, но нечто, не имеющее материального выражения (и это позволяет на другом уровне вернуться к метафоре Фридмана для вспомогательного глагола третьего лица: появляющаяся и исчезающая улыбка Чеширского кота [Friedman 1988]). Е. Петроска (Македония/США) в докладе «Нарративный пересказ в македонском» показала, что адаптированный для детей фольклорный текст, в котором отсутствуют такие переходы между формами, и который выдержан исключительно в непересказывательных формах, воспринимается носителями языка как неправильно построенный в прагматическом и коммуникативном плане.

Как уже было сказано и показано, общеполбанистические темы так или иначе «выво-

дили» авторов на партикулы. Примечательный случай взаимовлияния балканских языков П. Асенова и В. Алексова (Болгария) рассмотрели в докладе «Балканский аспект *nota accusativi personalis*» на примере специального маркера, позволяющего «подчеркнуть контраст между субъектом и объектом» в нероманском ареале Южной Македонии. В славянских диалектах этого ареала одушевленный объект действия вводится при помощи предлога *на* (напр., *не удрие и нъ нас*, 'и нас тоже ударили'). Это можно сопоставить с использованием в подобной функции в балканороманских языках предлога *pe* (< лат. *per*). Однако П. Асенова и В. Алексова остерегаются приписывать развитие «*nota accusativi personalis*» в южномакедонских диалектах непосредственно арумынскому влиянию. В южномакедонских диалектах «*nota accusativi personalis*» восходит к эпохе до арумынского переселения; в самом же арумынском эти конструкции, скорее всего, являются результатом румынского влияния. Что касается южномакедонских диалектов, то там «*nota accusativi personalis*» используется с большей регулярностью, чем в арумынских. Считая это явление балканизмом, докладчики предлагают искать более общие причины, индущирующие балканизмы, в частности, обращаясь к балканской модели мира (БММ) и ее системе бинарных оппозиций.

П. Асенова – один из немногих балканистов, рассматривающих балканистические процессы в контексте БММ. На этот раз в том же ключе был построен доклад У. Дуквой (Германия) «О сакральном времени в балканских языках: словарь календарных народных праздников», в котором принципы обозначения временных отрезков (в том числе их персонификация) были рассмотрены *sub specie* общеполбанских этнокультурных представлений, т. е. БММ.

Что же касается партикул-клитик в узком смысле, то особое внимание было уделено их позиции в предложении, той степени свободы/несвободы, которая имеет выраженный дискурсивный характер.

Р. Александер (США) в докладе «Еще раз о месте клитик в боснийском, сербском и хорватском» предложила дескриптивную модель распределения клитик во фразе в современных боснийской, сербской и хорватской нормах, которая учитывает диалектологический, диахронический и прагматический аспекты проблемы. До сих пор традиционная формулировка правила постановки грамматических клитик (так сказать, их первого появления) «клитики занимают вторую позицию» оставляла без ответа вопрос: как определить,

где начинается вторая позиция (после первого слова / сразу после первой составляющей / после первого слова второй составляющей?). В основу своей модели Р. Александер положила деление фразы на ритмические составляющие («rhythmic structure constituents»). На синхронном уровне модель позволяет выявлять некоторые языковые особенности боснийских, сербских и хорватских текстов (так, например, в боснийских текстах вспомогательный глагол (= клитика) сложных форм *biti* идет после первой сложной составляющей: *Nova godina 2007. je bila pomala vanredna*, а хорватская и сербская нормы допускают большую свободу, например, связка может оказаться внутри второй составляющей: *Nova 2007. godina bila je malo drugačija* (хорв.), *Nova 2007. godina bila je nešto drugačija* (серб.)). На основе предложенной модели можно показать диахроническую дивергенцию норм и динамику изменений постановки клитик в каждой из них.

Доклад У. Брауна (США) «Синтактические этюды градищанского хорватского» был посвящен смежной теме: он сравнивал расстановку клитик (к которым он относит возвратное местоимение *se*, вопросительную частицу, генетивные, дативные, и аккузативные краткие личные местоимения, краткие формы вспомогательных глаголов) в градищанском хорватском (земля Бургенланд, Восточная Австрия) в сопоставлении с нормой хорватского языка Хорватии и показывал основные различия между ними: в градищанском клитики, в отличие от нормативного хорватского, не могут помещаться внутри первой составляющей; подчиненные предложения в составе сложного могут трактоваться как составляющая и присоединять клитики после себя, что недопустимо в нормативном хорватском; взаимное расположение возвратных и аккузативных клитик варьируется в зависимости от лица местоименной клитики (ср. *Vojim te se* 'Я тебя боюсь', *Voju te se* 'Они меня боятся', но *Vojim se ga* 'Я боюсь его' и т.д.). Эти различия, как считает автор, не могут быть объяснены контактом с немецким или венгерским.

Проблема расстановки клитик на материале болгарского языка была рассмотрена в докладе С. Фрэнкса (США) «К вопросу о структуре болгарских сложных времен». Он проанализировал порядок местоименных клитик, когда они используются в одной конструкции с болгарскими сложными временами (перфект, плюсквамперфект). На основании ряда примеров было выработано несколько моделей, описывающих распределение клитик в контексте синтаксических составляющих («syntactic constituents»). Он счи-

тает, что если вспомогательный глагол предшествует причастию, то синтаксическая составляющая не образуется. Только если причастие предшествует вспомогательному глаголу в конструкции, где оно вынесено вперед при фокусировании, образуется сложная синтаксическая вершина («complex head»), внутри которой свободно могут быть помещены исключительно клитики.

Один из главных выводов доклада В. Хилла (Канада) «Румынское *ia* как показатель императива» – необходимость учета роли дискурса при анализе деривационных процессов в синтаксисе. Используя иерархию функциональных проекций левого края предложения, В. Хилл показывает, что дискурсивный маркер *ia* ведет себя как клитики-показатели других наклонений, но в отношении него не действует запрет на совместное употребление, поэтому он является скорее дополнительным средством («усилителем»), чем показателем наклонения.

Среди других докладов, которые не анализируются мною в данной хронике, были доклады, посвященные диалектологии, словообразованию, этимологии, ареальной лингвистике, социолингвистике и несколько докладов по литературоведению и истории науки. В единое целое их связывала балканистика в широком смысле этого слова.

Если подойти к перечисленным докладам с точки зрения классификации, предложенной Т.М. Николаевой («старое о старом», «старое о новом», «новое о старом» и «новое о новом») [Николаева 1990], то – что отрадно заметить – они подпадают под два последних типа классификации: «новое о старом» и «новое о новом». А это и есть свидетельство движения вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
 Николаева 1990 – Т.М. Николаева. Опыт классификации ученых: метод – объект // Проблемы кибернетики. К 60-летию В.А. Успенского. 1990. № 3.
 Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих» частиц). М., 2008.
 Friedman 1988 – V.A. Friedman. The category of the evidentiality in the Balkans and the Caucasus // A. Schenker (ed.). American contributions to the Tenth international congress of Slavists. Linguistics. Columbus, 1988.

М.М. Макарец (Москва)